

ИЗ ЧЕРНОВИКОВ В. В. ЛАТЫШЕВА

Среди черновых бумаг акад. В. В. Латышева имеется вырезка из приложения к газете «Приазовский край» от 10 мая 1915 г., № 122. Иллюстрация передает два фотографических снимка: на одном изображено несколько древних амфор, на другом — обломки мраморной плиты с греческой надписью; под вторым рисунком подпись: «Разбитая мраморная плита с древнегреческими надписями, найденная в развалинах Тана-

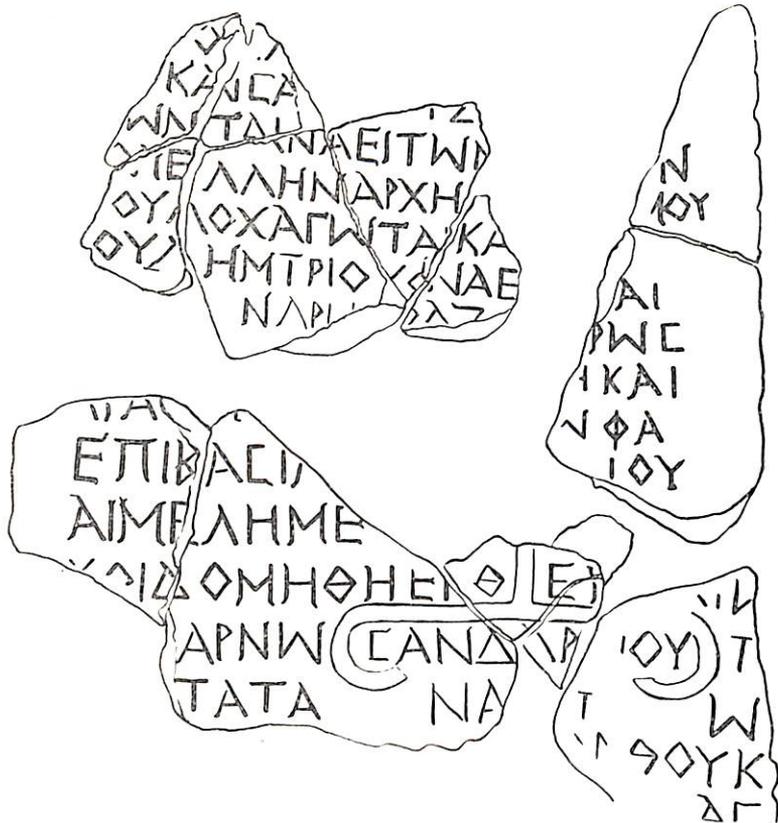

Рис. 1.

иса» (рис. 1). Над снимками заголовок: «Новые приобретения Ростовского музея». Вместе с вырезкой хранится листок, написанный рукой В. В. Латышева, с попыткой восстановить обрывки греческого текста (рис. 2).

В одном из писем В. В. Шкорнила к В. В. Латышеву, между прочим, сообщается об этой эпиграфической находке: «Недавно я получил из Ростова-на-Дону от Александра Михайловича Ильина (Малая Садовая ул., дом № 6) письмо и фотографию нескольких обломков мраморной плиты, найденной в этом году в селе Недвиговке. В надписи, от которой сохранились лишь некоторые части, упоминается *Χόφαρος Σανδαρζίου* (ср. IPE, II, 430), говорится о фундаментальном восстановлении (*ἀνοικοδομήθη ἐκ θεμελίων*) какого-то заброшенного (*ἀμεληθένου*) здания, вырезаны слова *ἄρχων Ταναετῶν*, *ἑλληγόρχης* и совершенно новое *λοχαγός Ταναετῶν* и приводится дата *καὶ μηνὶ Λόου κ'*. От знака сохранилась только нижняя часть (обратите внимание, что знаки боспорских царей встречаются только в надписях, где говорится о починке и восстановлении зданий и построек (IPE, II, 423, 428, 431, 433 и IV 447), тогда как в *tituli conlegiorum* этих знаков нет). Я попросил Ильина сделать новую фотографию и эстампаж и послать их Вам для издания в «Известиях». Искренне преданный Вам В. Шкорнил. г. Керчь, 11 октября 1915 г.»

Очевидно, речь идет здесь именно об обломках, опубликованных в газете «Приазовский край»: в них говорится о капитальном восстановлении заброшенного здания, упомянуты Хофарн, сын Сандарзия, и все перечисленные В. Шкорпилом должностные лица. Недостаёт только осколка нижней строки, содержавшей дату и название месяца Лоя. Однако В. В. Латышев, повидимому, почему-то не получил от А. М. Ильина обещанных В. В. Шкорпилом фото и эстампажа, и поэтому он начал работу над восстановлением текста надписи по газетной вырезке. В октябре 1950 г. я безуспешно искала в фондах Ростовского на-Дону музея интересные нас обломки; их не оказалось: вероятно, они утрачены во время Великой отечественной войны.

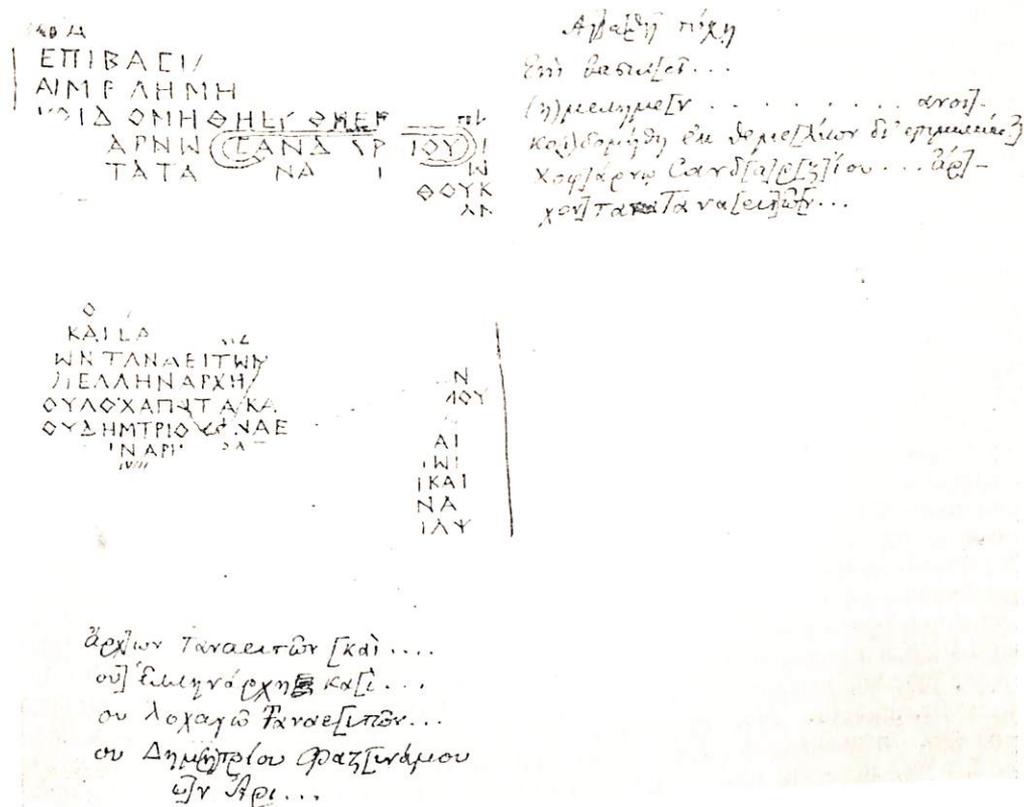

Рис. 2. Черновик из бумаг В. В. Латышева с первоначальной попыткой восстановления греческого текста надписи

В. В. Латышев проделал большую работу по восстановлению текста и достиг значительных результатов; работу эту, однако, нельзя считать законченной. Поэтому, положив в основу работы чтение В. В. Латышева, постараемся уточнить и дополнить его путем тщательного изучения имеющейся газетной иллюстрации и сопоставления сохранившихся обрывков текста с другими надписями из Танаиса.

Вместе с В. В. Латышевым можно считать несомненным, что на прилагаемом снимке обломки расположены неправильно. Сходящиеся краями шесть обломков с сохранившейся частью тамги, расположенные внизу снимка, составляют кусок верхней части надписи. От вступительных слов Ἀγαθῆ τύχη сохранились лишь остатки трех первых букв первого слова. Судя по тому, что первое слово начинается с самого начала строки, между этими двумя словами: ἀγαθῆ и τύχη должно было быть оставлено большое расстояние, которое было, вероятно, заполнено верхними концами тамги. Вторая строка, начинающаяся словами ἐπί βασιλείᾳ, должна была содержать имя царствующего

Рис. 3. Верхняя часть надписи

Несколько слов о предложенных здесь восстановлениях: имя *Χοφάρνος Σανδαρζίου*, восстанавливаемое здесь с полной несомненностью, как уже указывал В. В. Шкорпил в письме к В. В. Латышеву, известно из надписи IOSPE, II, 430, 517 г. э. = 220 г. н. э. Хофари, сын Сандарзия, упомянут здесь в начальной части текста, представляющей как бы дату документа и упоминающей правящего царя и других эпонимов: это царь Рескупорид, сын царя Савромата, царский легат Зенон, сын Фанна, и Хофари, сын Сандарзия. В надписях IOSPE, II, 430, 431, 431 Bis, так же как и в нашем документе, повторена одна и та же грамматическая ошибка: предлог *ἐπί* употреблен с дательным падежом. Однако и эта конструкция не соблюдена до конца в одной и той же фразе, так как *Ζήνων Φαννέως* стоит в именительном, нарушая согласование с *προσβεβητῆ*, а имя следующего лица — эпонима — в родительном: *Χοφάρνου Σανδαρζίου*. Далее поименованы три лица, в именительном падеже, в качестве архонтов танаитов: Баб, сын Байораса, Ниблотор, сын Досимоксарфа, Хороаф, сын Сандарзия. Однако в какой связи упомянут Хофари, сын Сандарзия, в надписи № 430, совершенно неясно. Стефани, в своем комментарии к надписи ¹, склонен относить Хофарна, сына Сандарзия, также к числу архонтов танаитов, вместе с теми лицами, которые поименованы в надписи ниже в именительном падеже, с чем, по видимому, согласны и С. А. Жебелев ² и Т. Н. Книшнович ³, так как оба эти исследователя отмечают, что в надписи № 430 архонтов танаитов упомянуто четыре сразу. Однако построение фразы в надписи говорит скорее против такого предположения, так как там Хофари, сын Сандарзия, совершенно явно включен ради эпонимии во вступительную часть надписи вместе с царем Рескупоридом и его легатом, Зеноном, сыном Фанны, с которым он связан не только применением косвенного падежа, но также и союзом *καί*, и совершенно явно, в смысле логической конструкции, отделен от остальных трех лиц, архонтов танаитов, в числе которых здесь назван Хороаф, сын Сандарзия, видимо, его брат. Так или иначе, по контексту видно, что Хофари, сын Сандарзия, занимал какое-то очень высокое положение в г. Танаисе и, скорее всего, в общине танаитов. В нашей же надписи имя его, хотя оно и поставлено в дательном падеже и не согласуется с восстанавливаемым далее в винительном падеже *ἄρχοντα Ταννα[ει]τῶ[ν]*, все же в каком-то смысле связано с упоминаемым должностью архонта танаитов. Отсюда возникло предположение, что в изучаемых нами обломках надписи упоминаемое вслед за Хофарном, сыном Сандар-

¹ ДБК, II, № XXI.

² «Боспорские этюды», ИГАНМК, 104 (1935), стр. 43, прим. 3.

³ «Танаис», 1949, стр. 95.

зия, лицо, отчество которого оканчивалось на ...ἰρθου, было Νιβλόβορος Δοσιμοξίρθου. Какая же может быть связь в данной надписи между Хофарном, сыном Сандарзия, и должностью архонта танантов? По всей вероятности, здесь он упомянут не в качестве архонта танантов, а в качестве весьма влиятельного частного лица, с указанием на то, что ранее когда-то он эту должность занимал. Это предположение подкрепляется следующими соображениями: после Σανδαρ[ζ]ίου ясно видна буква Π, после которой, в соответствии с количеством места, для заполнения строки необходимо краткое односложное слово, восстановленное нами πρίν.

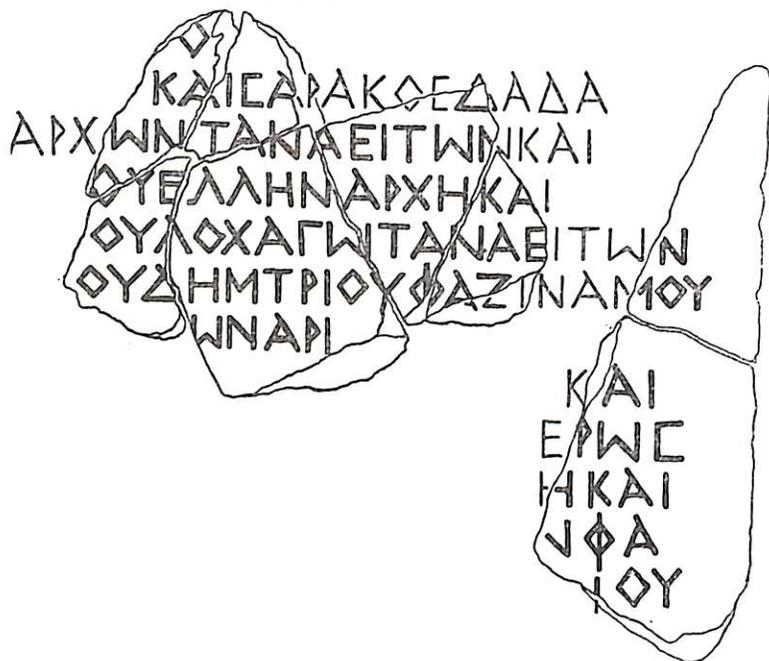

Рис. 4. Нижняя часть надписей

Рассмотрим теперь построение вступительной части надписи. Непосредственно после датировочного документ царского имени: ἐπί βασιλ[ε]ῖς Ἰουλιανῶν следовало сообщение о выполнении мероприятия по восстановлению архитектурного сооружения. Далее названо имя Хофарна, сына Сандарзия, в дательном падеже. Отказ от конъектуры В. В. Латышева δι' ἐπιμελείας, на которой он, впрочем, судя по вопросительному знаку, не настаивал, основан не только на недостатке места в строке и на совершенно не подходящем для этой конъектуры дательном падеже имени Хофарна. Дело в том, что имена эпителетов, так же как и имена архитекторов, всегда помещаются в заключительной части надписи, в последней ее фразе (ср. №№ 427, 428, 430, 431, 431 bis, 432, 433, 434), перед указанием года и месяца. Употребление предлога ἐπί слова придает имени Хофарна, сына Сандарзия, значение эпонима, и на первый взгляд кажется необоснованным отрыв его от имени царя. Однако составителю надписи было, повидимому, необходимо в дальнейшем изложении поставить его в логическую связь с Ниблбором, Досимоксарфом и другими лицами, с которыми он был связан какими-то совместными действиями. Как Хофарн, сын Сандарзия, так и Ниблбор, сын Досимоксарфа, известный из надписи № 450 от 228 г., как член синода, были, повидимому, богатыми торговыми людьми, игравшими в городе видную роль и отсутствующими, быть может, крупную сумму денег для капитальных строительных работ.

Восстанавливаемый текст начала надписи, к сожалению, не удастся связать с обрывками текста, сохранившимися на остальных обломках. Можно предположить только, что обломки, сохранившие правый край плиты, возможно связать с шестью кусками, расположенными в левой верхней части снимка. Тем не менее ни одной строки полностью восстановить не удастся.

Б

. ο
 και Σά[ρακος Δάδα?]
 ἄρχ]ων Ταναειτῶν [και.
 5 ου ἑλληγνάρχη και[ι.
 ου λοχαγῶ Ταναε[ιτῶ]ν
 ου Δημ(η)τρῖου Φαζ[ινά]μου
 ὠν ἸΑρι,
 κ]αι
 Ἰ]ρως
 10 η και
 ψα —
 ἰου

 [Ἰ]εν τῶ . . φ ἔτει] και μηνι Λωουκ'

Содержание этих обрывков текста неясно. Судя по союзу *καί* во второй строке второй половины надписи, в верхних двух строках продолжалось перечисление имен. *Σάρακος Δάδα* известен из надписи № 454 от 244 г.¹ в качестве фисота. Здесь имя его восстановлено предположительно и поставлено в именительном падеже в зависимости от слов [ἄρχ]ων Ταναειτῶν, видимо, относящихся к нему. Далее названы два других высоких должностных лица, в каком-то смысле связанные с восстановительными работами: эллинарх и лохаг танаитов. Должности архонта танаитов и эллинарха хорошо известны из других надписей, но должность лохага танаитов до сих пор не была известна. Лохаги упоминаются на Боспоре в надписях Пантикапея, Фанагории, Горгиинии. Наиболее ранней из точно датированных надписей, упоминающих должность лохага, является опубликованное Т. В. Блаватской в конце 1948 г. (ВДИ, 1948, № 4, стр. 77—84) надгробие Агафа из Фанагории от 179 г. н. э.

Агаф был сыном наместника острова (ὁ ἐπὶ τῆς νήσου), занимал последовательно ряд высоких должностей и в том числе должность лохага. Другая фанагорийская надпись 307 г. н. э. (IOSPE, II, 363) была поставлена правителями (архонтами) Фанагории в честь умерших: отца, наместника царской резиденции ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας, и сына его — лохага. Пантикапейская посвятельная надпись, датированная временем царя Теирана (275/6—278/9 гг. н. э.), также упоминает должность лохага в окружении самых высоких государственных и придворных должностей и наместников областей Боспорского царства. Горгиинийские надписи IOSPE, II, 402, стр. 24; IV, 436, стр. 16 и ИАК, вын. 37, стр. 43 сл., № 3 (2-я половина II в. н. э.), представляют списки граждан (а IOSPE, IV, 436а и ИАК, там же — членов религиозного общества), в числе которых упоминаются и лица, занимавшие должность лохага. Должность лохага, как можно судить по надписям IOSPE, II, 29, 363, и надгробию Агафа, была одной из высоких должностей на Боспоре. Должность эта не была пожизненной, как видно из IOSPE, II, 29, стр. 12 (πρὶν λοχαγῶν). Кроме того, можно сделать вывод, что в наиболее значительных центрах Боспорского царства, в городах, имевших полисную организацию, и, следовательно, своих магистратов, существовал в каждом свой лохаг. Так, был лохаг в Пантикапее (IOSPE, II, 29), в Фанагории, (IOSPE, II, 363, и ВДИ, 1948, № 4, стр. 77—84) и в Горгиинии (IOSPE, II, 402; IV, 436а и ИАК, там же): действительно, если можно было бы еще с натяжкой допустить, что в IOSPE, II, 29 или 363 лохаг фигурирует как общепоспорский магистрат, то стела Агафа рисует нам представителей трех поколений одной и той же знатной фанагорийской семьи, которые были местными фанагорийскими деятелями. Горгиинийские надписи IOSPE, II, 402; IV, 436а и ИАК, 37, стр. 43, № 3 представляют списки горгиинийских граждан, членов местных горгиинийских организаций, и, следовательно, лохаг упомянутый там наряду

¹ См. мою статью «Танаисская надпись IOSPE, II, 454», ВДИ, 1950, №3, стр. 97—104.

с другими членами организаций, был горгинийским гражданином, выполнявшим свои функции в своем родном городе.

Название «лохага танантов» в нашей надписи с полной ясностью говорит нам не только о том, что существовал особый лохаг в городе Танаисе, но дает полное основание предполагать, что в Танаисе, наряду с «лохагом танантов», у танаисских эллинов существовал еще и свой *λοχαγός τῶν Ἑλλήνων*, подобно тому как существовали эллинархи наряду с архонтами танантов. Следовательно, можно предположить, что каждая община, эллины и тананты еще в первой половине III в. н. э. имели свои особые воинские подразделения, которыми ведали особые военачальники-лохаги.

Имя лохага танантов, к сожалению, не сохранилось, так как вырезанное в следующей строке имя Деметрия, сына Фазиана, известного нам из надписи IOSPE, II, 448 от 225 г. н. э. в качестве рядового фисота, никак не связано со словами *λοχαγός Τανναε[ι]τῶν*. Занимавший затем не менее шести строк список имен представлял собою, повидимому, список энимелетов (ср. перечисление девяти энимелетов в надписи IOSPE, II, 427). Последняя строка с названием месяца Лоя дополнена на основании цитированного выше письма Шкорнила.

Интересен и шрифт надписи, характеризуемый отсутствием закругленных букв, ромбической формой ο, ϑ, φ, ρ, угловатой ω, квадратной σ; α и δ с удлиненной вверху правой боковой чертой, α с прямой поперечной. Наиболее ранними из известных нам образцов такого шрифта в надписях Танаиса являются № 427 (188 г.) и 428 (192 г.). Там, однако, при угловатой ω, квадратной σ и ромбическом φ сохраняются круглыми ο, ϑ, ρ. Значительно более близкую параллель, в смысле форм букв, представляет №№ 430, 431 bis, 433, 450 и 452. Повидимому, шрифт этот окончательно выработался и достиг в Танаисе своего развития не ранее первых десятилетий III в. н. э.

А. И. Болтунова

ЕГИПЕТСКИЙ ФАЯНСОВЫЙ СОСУД № 3612 ИЗ ГМИИ ИМ. А. С. ПУШКИНА

Публикация этого первоклассного памятника, как часто бывает, косвенно освещает важную историческую проблему. Наш сосуд лишний раз убеждает в органической связи художественной культуры Тель-Амарны с египетской культурой предшествующего периода, тем самым опровергая длинный ряд теорий, выдвигавшихся раньше и сейчас еще процветающих в западноевропейской буржуазной науке. Многие из египтологов начала нашего века, как Шингельберг, Лихтенберг и др., положили начало тем миграционным теориям, которые в искусстве Амарны видели как бы особое искусство (*Sonderkunst*), следовательно, во многом выпадающее из общего процесса развития египетского искусства и созданное будто бы лишь под влиянием импортных образцов. Советская наука о древней истории опровергла теорию миграционистов. Опровергают ее на каждом шагу не только наши большие исследования, открытие новых культур на территории СССР, но и изучение, казалось бы, скромных, отдельных памятников, хранящихся в наших музеях и в очень большом числе неизданных и неизученных. Таким интересным памятником, в конечном счете помогающим осветить очень широкий историко-культурный вопрос, является и публикуемый сосуд.

Туалетный сосуд № 3612 (выс. 14,5 см.) имеет остродошную, амфорообразную форму. Именно к этой группе принадлежат вазы №№ 3623 и 3693 эпохи Нового царства в Каирском музее; последний из названных сосудов ближе по форме к нашему памятнику. Сосуд ГМИИ отлично сохранился, если не считать незначительной выбоины в одном месте горла сосуда и стертости поливы на правой ручке (со стороны изображения утки) и на яйцеобразном конце сосуда, где из-за утраты глазури выступило пористое и несколько шероховатое тесто фаянса.

Сосуд с достаточно узким и низким горлышком имеет совершенно прямые, исклю-

чительно крутые плечи (под прямым углом к горлу) и почти конусообразное, яйцеобразно закругляющееся к низу тулово. Две еще заметные маленькие ручки приходится у самых плеч сосуда, как и в сосуде № 3693 Каирского музея, в противоположность амфорной вазочке № 3623, где ручки приходится ниже, — на самом тулове сосуда. Наш памятник дает образец полихромного, расписного фаянса по белому фону. Мотивы декора в общем единообразны. На плечах сосуда идет целая полоса опрокинутых книзу лепестков лотоса. При этом наблюдается строгая перемежаемость цвета. В четком ритме идут, перемежаясь, светлоголубые и коричневые лепестки. Совершенно такой же фриз идет под самыми плечами по тулову сосуда. На боковых сторонах, служа как бы продолжением ручек, даны также обращенные вниз два цветка лотоса в его разновидности *Nymphaea Caerulea*¹. Цветы эти написаны довольно небрежно, о чем более подробно будет сказано дальше.

Цвет лепестков не всюду одинаков, что, в частности, связано и с характером объекта. Так, со стороны правой ручки цветы даны достаточно интенсивным тоном, в то время как с левой стороны они сходят книзу более светлыми размытыми красками. Низ сосуда заканчивается распустившимся цветком лотоса, близко напоминающим наши плавающие, чашеобразные «кувшинки» с их торчащими остро вверх лепестками. Расцветка лепестков та же, что и в верхних фризах: из-за больших светлоголубых лепестков, перемежающихся с коричневыми, выглядят меньшие белого цвета. С двух сторон середина тулова сосуда занята еще двумя изображениями: пучком цветущих папирусов, как бы вырастающих из полосы земли, отделенной полосой от нижнего цветка, и с обратной стороны — вылетающей из зарослей уткой. Пучок цветов того же густокоричневого тона; у утки голова и крылья голубые, хвост коричневый. В силуэте птицы бросается в глаза очень широкая, жирная линия и особенно хвост, трактованный пятном, как бы посаженной кляксой.

Со всех точек зрения наш сосуд не вызывает сомнения в датировке. В каталоге фаянсовых сосудов Каирского музея мотив падающих листьев в орнаментике фризов

Рис. 1. Сосуд № 3612, собр. ГМИИ им. А. С. Пушкина

¹ Указание на эту разновидность лотоса мы встречаем прежде всего в каталоге фаянсовых сосудов Каирского музея. Мотив *Nymphaea Caerulea* нашего сосуда совершенно идентичен с рисунком на сосуде № 3683. Стилизация же этого цветка в целой форме сосуда-кубка, обычно плотноголубого цвета, встречается в сосудах № 3692, 3698, 3705, 3707 и др. того же музея.